

Александр Санаров

**ПОЗЫВНОЙ
«ГРЕНАДА»**

Александр Санаров
Позывной «Гренада»

«Издательские решения»

Санаров А.

Позывной «Гренада» / А. Санаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509493-3

Автор представляет военные зарисовки. Он сам побывал на этой непонятной войне и самобытным языком делится своими воспоминаниями. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-509493-3

© Санаров А.
© Издательские решения

Содержание

Кобеля звали Укроп	6
Ничего, скорее всего, бы не случилось	10
И вот я в пути	11
Правда судьба преподнесла мне еще одно испытание	13
Так мы доехали до границы с «незалежной»	15
Мы приехали в Донецк теплым осенним солнечным днем	17
Вообще Донецкий край	20
Жили мы	22
Как говорится, дело было вечером	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Позывной «Гренада»

Александр Санаров

© Александр Санаров, 2019

ISBN 978-5-0050-9493-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кобеля звали Укроп

Он свободно бродил между столиками столовой, выпрашивая себе еду. Каким-то неведомым собачьим нюхом он определял, с какого столика ему может перепасть что-нибудь вкусненькое, что-то вроде куриной косточки, или плохо обглоданной рыбки.

Простая перловка, его не интересовала, он предпочитал выбирать из кучи объедков самое вкусненькое... в общем, был пес. Я так думаю, что именно за это качество он и получил свое необычное собачье имя – Укроп.

Да и столовая тоже была необычной, в ней не было меню с указанием блюд и цен. Нужно было просто подойти к окошку раздачи, чтобы получить тарелку супа, неважно как он назывался и тарелку каши с чем-нибудь. Ну и, конечно, несладкий компот.

Вместо разнообразных салатов на каждом столе стояли две тарелки. Одна с горой лука, другая с не меньшей горой чеснока. Деньги за еду платить было не нужно, если не наелся, всегда можно было взять добавки. В общем, еды хватало всем, ... даже Укропу...

Да, это и правда была необычная столовая. Она была ограничена примерно городским кварталом территории, где все окна внешних зданий были заложены мешками с песком, с бойницами для пулеметов, где ворота сторожили мужики вооруженные автоматами АК различных модификаций.

Вход и въезд на эту территорию был строго регламентирован. Именно для тех, у кого было право находиться на этой территории, и существовала эта столовая. Её клиентами являлись мужики в абсолютно разномастном камуфляже. Начиная от маскировочных охотничьих костюмов и, заканчивая суперпопулярным горным костюмом, в обиходе нареченным просто «горкой» Как правило, почти у каждого обедающего на спинке стула висел автомат с пристегнутым магазином, хотя и людей невооруженных тоже хватало.

Вокруг той столовой обосновался с десяток других собак, которым тоже перепадало от щедрот людских. Но внутрь они почему-то не лезли. Въездным, вернее впускным был только Укроп.

Весь этот укрепленный в военном отношении квартал являлся одной из основных военных баз ополчения Донецка бригады «Восток», Хотя бригадой она стала называться несколько позже. Осенью ... 14-го это был просто батальон «Восток».

Тут было все, и штаб, и склады, и ремонтная база, и гаражи, и учебный центр для новобранцев, то бишь для добровольцев. Одним из таких добровольцев был я.

Так случилось, что превращение из почти пенсионера, средней степени достатка, в рядового ополченца Донецкой Республики заняло почти 3 месяца.

Вышло так, что самые эмоциональные, самые сильные, самые памятные события в моей жизни связаны с Донецким краем, с Мариуполем, если быть более точным. Это и первый серьезный трудовой опыт, и учеба, и первая серьезная любовь, и рождение сына, и обретение настоящих друзей, и прочая и проч...

Потом судьба распорядилась так, что я оказался далеко от Донецкого края, но память о нем навечно заняла как минимум половину моей души. 30 лет назад я не чувствовал ни разрыва духовных связей, ни традиций и прочего.

Мы жили в одной стране, гордились своими великими достижениями, но на своих кухнях мы все были диссидентами. Травили бесконечные анекдоты про старческий маразм Брежнева, про изошренную работу КГБ, мечтали о разном западном барахле, а иногда и покупали иностранные шмотки. Что, тем не менее, не мешало нам всенародно, публично орать по любому поводу – «ОДОБРЯМ!!!», и тут же в перепечатке читать «Архипелаг ГУЛАГ». Потом случилось то, что случилось. Большая коммунальная квартира под названием Советский Союз распалась на 15 коммуналок гораздо меньшего размера. Следствием этого распада оказалось

великое множество склок, не решенных до сих пор. Как говорится – « Что имеем, не храним, потерявши плачем...»

Боже мой, как прав был Воланд, утверждавший, что квартирный вопрос «испортил москвичей».

От себя могу добавить, что «квартирный вопрос» является основополагающим и во взаимоотношения между соседями всех мастей, в том числе и между государствами.

Да и бог бы с ними с нашими бывшими соседями, со всеми этими узбеками, таджиками и туркменами,

Пусть они живут, как хотят, как говорится, счастья им и всяческих успехов. Они резали друг друга веками, это ИХ НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ, Если им не жалко, говоря словами Шолохова, их собственных баб и детишков, то почему по этому поводу я должен сожалеть больше их отцов и дедов.

Жалко невинно убиенных? Конечно, жалко. Но пусть они сначала сами себя пожалеют, у нас и своих забот полон рот. Понимаю, что объективно это неправильно, что позиция – «моя хата с краю...» никого до добра не доводила. Что рано или поздно эта беда может коснуться и нас.

Да что там – уже коснулась. На стройках от азиатов, готовых работать на любых условиях, не протолкнуться. Слова русского не услышишь.

Из всех мобильников слышен нестерпимый для славянского уха «тюркский» вой, который у них песней зовется.

Тут же возникает вопрос Если наши южные друзья, не знающие пословицу про устав и монастырь, не жалеют мои уши и, соответственно, нервы, то почему я должен жалеть их?

Я уже не говорю о том, что они обрушили рынок труда, что значительная часть российских мужиков из за них потеряла работу. Что из-за этого нарастает социальное напряжение и что, не дай бог, и у нас может «рвануть»

И рвануло. Но, к счастью, пока не у нас в России, а у наших, не побоюсь этого слова братьев, у хохлов, «пардон» украинцев.

В любой стране, в любом социуме всегда найдутся проблемы и противоречия, всегда будут недовольные, обиженные, обделенные кто умом, кто достатком. Всегда найдутся парвусы и ленины готовые, пользуясь этими противоречиями, вести народ на баррикады.

Что и произошло на Украине, благо почва для развития революции гидноста была подготовлена и удобрена давным давно. Эта унавоженная грядка называется Западной Украиной.

Зря тов. Сталин присоединил этот гнойник к здоровому телу основной Украины. Конечно, началось заражение. Любой врач знает, что спасением организма от гангрены может считаться единственный эффективный метод – ампутация.

Злобный, завистливый хуторской менталитет западенцев залил своим ядом практически всю Украину. Остался маленький островок. Это ДОНБАСС.

Почему этот островок разобшился на 2 отдельных региона, это выше моего понимания. Понятно, что очень многие хотят быть «первым парнем на деревне», почет, уважение, плюс сопутствующие материальные, как сейчас говорят, «бонусы». Но, по-моему, ДНР и ЛНР для этой земли многовато.

Логика подсказывает, что перед лицом опасности, как раз единство является необходимым условием для победы. Что-то есть фальшивое, ненастоящее в этой административной аббревиатуре.

Дальше – хуже. Политики различных мастей придумали новое обозвание восставших территорий, так называемое ОРДЛО.

Вроде по сути правильно, но звучит поганно, вроде «мурло», «х..ло» и прочее «одорбло...» Слово «одорбло» я впервые услышал в в Жданове (ныне Мариуполь, или наоборот, если хотите).

Его сказал мой бригадир Витя Карпий. На мой вопрос, что это означает, он ответил, что сам толком не знает, но, по его мнению, это что-то гадкое, мерзкое, бесформенное....

С тех пор прошло более 30-ти лет, но я сразу вспомнил Витю, как только услышал это мерзкое слово ОРДЛО....

Впрочем, осенью 14-го этого термина не было, было просто ополчение, харизма ополчения просто была растворена в воздухе, и этим воздухом дышали практически все жители Донецка.

Кто не хотел, или не мог этим воздухом дышать, те нашли для себя другую отдушину и просто свалили в сторонку, освободив проспекты и улицы Донецка от лишнего балласта, от избыточного количества машин.

Конечно, это в какой-то степени вызвало необоснованную эйфорию. Малолетки всех мастей, которых папаня в разное время научил ворочать рулем, в одночасье решили, что они подлинные «Шумахеры», что ПДД писано не для них, носились по городу с безумно опасной скоростью.

Пример этому дорожному беспределу, конечно, задавали ополченцы всех мастей – оплотовцы, востоковцы, кальмиусовцы и прочие добр. формирования, решившие, что в этот раз они точно «взяли бога за бороду» и, что им МОЖНО ВСЁ. И это, конечно не добавляло авторитета ни ополченцам, ни ополчению в целом.

Я часто задаю себе вопрос. Как я взрослый, скорее даже пожилой мужик, осмелился на этот авантюрный поступок.

Ведь прекрасно понимаю, что от любой войны выигрывают либо грязные политики (сомневаюсь, что есть чистые), либо дельцы разных мастей. Ни те, ни другие свои головы под пули не подставляют.

Да и излишним романтизмом в моем возрасте люди, как правило, не страдают. Да и видел я смерть во всем её неприглядстве и до этого.

Были и такие моменты в моей жизни. Но, тем не менее, плюнул на все, взял и приехал. Ответ нашелся потом.

Когда стали показывать по ТВ разорванные детские тельца, разбитые дома, убитых стариков, в глубине души стало крепнуть убеждение, что за это ...дство кто-то должен ответить.

У меня нет возможности дотянуться до политиков, устроивших этот беспредел, но я могу добраться до «воина света», который наводит свою гаубицу на миллионный город и стреляет.

Логика простая, любой вменяемый человек, стреляющий по городу из пушки, ОБЯЗАН понимать, что каждый выпущенный снаряд ОБЯЗАТЕЛЬНО найдет чей-то дом, чью-то квартиру, чью-то жизнь, наконец.

Если человек это понимает, но продолжает стрелять, он подонок, мерзавец и убийца. Если не понимает, то к предыдущим эпитетам можно добавить еще один – тупой дурак.

И в том и в другом случае его нужно и должно наказать аналогичным способом – просто убить. Всякие там —«нас призывали,..нас пидманулы...» оправданием не являются....

Вот именно до таких засранцев я могу дотянуться и сделать с ними то, что должен сделать каждый, уважающий себя мужчина.

Представьте себе ситуацию, вы идете по городу и вдруг видите, что какой-то подонок пытается изнасиловать ребенка.

Что вы сделаете? Пройдете мимо, сделав вид, что ничего не заметили, или вмешаетесь, не думая о возможных неприятных последствиях.

В первом случае – вы просто не мужчина. А вот второй совершенно естественен, так делает любой нормальный мужик...

Конечно я сильно упростил ситуацию, но аналогию, я думаю, провести можно.

Было и еще одно обстоятельство, которое не давало мне покоя, в философском понимании. Как известно, мы не выбираем время, когда и в какой исторический период нам родиться и когда умереть.

Это делает за нас бог, провидение, или что-нибудь ещё, да назовите как угодно. Но мы рождаемся именно в свое время и становимся свидетелями конкретных исторических, или любых других событий.

Принимать в них участие, или наоборот бежать и прятаться от них зависит от совести, воли и разума каждого отдельного человека. Может быть, как раз в этом и состоит высший смысл нашего бытия.

Конечно, можно убежать от тех или иных неприятностей, или попытаться это сделать, а потом всю оставшуюся жизнь в глубине души корить себя за трусость и малодушие.

Сокрушаться, что судьба дала тебе шанс, скорее всего единственный, сделать какой-то значимый в твоей жизни поступок. А ТЫ ЕГО НЕ СДЕЛАЛ!

Хотел, мог..., но не сделал. Потом можно будет найти кучу оправдывающих тебя обстоятельств, помешавших тебе сделать

ЭТО. Но ты все равно будешь знать, что ты упустил этот шанс и другого не будет... Именно эта мысль стала не давать мне покоя, с ней я засыпал и просыпался.

Постепенно стало крепнуть ощущение, что если я этого не сделаю сейчас, то не сделаю уже никогда. Мне могут возразить, что, дескать, на войну добровольно едут либо искатели приключений, либо искатели денег, либо те и другие одновременно.

Спорить не буду, были там и те и другие и, как правило, очень недолго, но об этом потом, попозже...

Ничего, скорее всего, бы не случилось

И после «революции гидности», если бы господа хохлы не предприняли попытку наезда на русский язык.

Ведь ВСЯ юго-восточная Украина была русскоговорящей в течении многих десятилетий, если не столетий.

И при царях батюшках и матушках, и при Союзе, и после. И никому это не мешало. Различные «зупынки и перукарни» были скорее экзотикой, чем нормой. Конечно, был и есть «суржик», эдакая смесь «украинского с нижегородским».

Боже мой, на суржике разговаривает половина Кубани, хотя это и Россия, и это никому не мешает жить.

Даже наоборот, придает определенный неповторимый колорит.

Украинизмов на Кубани на порядок больше, чем на том же Донбассе, да оно и понятно. Ведь заселялась она по велению Екатерины Великой все теми же Запорожцами, то бишь, хохлами. Из больших городов суржик ушел, в малых и в сельской местности остался. Человек, говорящий на суржике, автоматически, на подсознательном уровне, причислялся к выходцам из селян. Это не было ни хорошо, ни плохо. Практически везде в России сельские жители или выходцы из деревень говорят по-другому, чем горожане. В тюменских селах, например, сокращают окончания глаголов. Вместо знает – знат, вместо делает – делат..и т. д. Даже есть по этому поводу шутливая присказка —«Снег летат, кружит и падат, всю дорогу заметат...» К селянскому говору горожане всегда относились с некоторой снисходительностью, как к элементу неотесанности, который, практически полностью исчезал во втором поколении городской жизни.

А тут, здрасте вам, русский язык становится языком второго сорта. Учите, так сказать, «ридную мову», которая «ридной» для большинства населения отродясь не бывала.

И тут бы ничего, пошумел бы народ немного, да и успокоился. Да не дали ему пошуметь.

Приехали хлопцы на БТР-х да на танках и начали этот самый народ разгонять. Особо борзых стали просто убивать.

Видимо, не слыхивали хлопцы про старую пословицу про устав и монастырь. Ответом стал старый русский клич – «НАШИХ ББЮТ...»

Я стал готовиться. Потихоньку начал наводить справки, через военных, через наших сибирских казачков.

Хотел узнать, как говорится, «адреса, пароли, явки...» От военных толку не оказалось, а вот казачки дали мне адреса и телефоны, правда не в Донецке, а в Луганске, хотя я хотел пробраться как можно ближе к Мариуполю...

Что меня приятно удивило, так это то, что никто не задавал дурацких вопросов. Вопрос был только один, насколько осознанным является мое решение.

Нашлись даже попутчики, но они уехали на неделю раньше, не стали ждать, когда я решу свои финансовые вопросы.

Потом купил военный камуфляж, обувь, белье, сел в машину и вперед.

Правда, перед этим я имел неприятный разговор с женой, из которого я узнал о себе довольно много нового, ну да бог с ней....

И вот я в пути

Еду много раз езденой дорогой, в сторону теплого моря. Карта мне не нужна, навигатор тоже. Мимо мелькают знакомые названия городов больших и малых.

Сначала названия курганские. Несколько раз переезжаю печально известную речку Теча, которая якобы до сих пор фонит радиацией.

Понимаю, что это глупость, живут же тут люди десятилетиями и ничего..., но не останавливаюсь ни по каким причинам, ни попить, ни отлить.

Потом названия уральские, потом знаменитое башкирское, если правильно запомнил «Хаярле юл», что означает «счастливого пути». И вот оно родное Поволжье.

Раньше каждый раз останавливался в Самаре у дядьки Саввы, младшего брата отца, на пару дней.

Передохнуть, пивка попить, на Волгу сходить искупаться, да мало ли еще зачем. Сейчас его уже нет в живых, а с его зятем, который сейчас там правит бал, у нас не заладилось. Москвич – он и в Африке москвич.

Терпеть не могу такую породу людей, с их неумной страстью к дармовщине, с их мелочностью, с их претензиями на какую-то значимость, за этот самый московский снобизм.

Приезжает эдакий орел на пару месяцев поест попить на дармовщину и опять сваливает в Москву, предварительно вывернув у стариков карманы.

Они боялись обидеть этого засранца, опасались, что заберет внука.

А мне бояться было нечего, взял и выложил все, что думаю о нем и ему подобным. Поэтому, надо полагать, особой теплоты в наших дальнейших отношениях не было.

Хотя, может быть, я просто не с теми москвичами общался. Кто знает. А по сему, нынче Самару пролетаю по объездной.

И вот она Саратовская губерния, с ее насмерть расколоченными дорогами, и ненавязчивым сервисом.

Хотя в этот раз Саратов приготовил для меня неожиданную встречу. Все случилось из-за того, что я заблудился.

Хоть я и отзывался нелестно о качестве саратовских дорог, но федеральная программа по их реконструкции дошла и до них.

Как я уже говорил, навигатора и карты у меня не было, поэтому на какой-то сложной развязке, которой раньше не было, я свернул не туда.

Вдобавок, сгущались сумерки, в октябре день и так не сильно длинный.

Возвращаюсь на исходную позицию и делаю вторую попытку. И..., опять неудача!

Тут вижу, стоит на обочине машина «на аварийке» с самарскими номерами.

Почти местный, подумал я, наверняка знает дорогу, так что поговорю «язык до Киева доведет» приобрела для меня почти прикладной смысл.

Подхожу, здороваюсь, спрашиваю. Мужик сидит, уткнувшись носом в телефон, и молчит. Такая неучтивость меня несколько озадачила, и я вежливо так осведомился, нет ли у мужика проблем со слухом или с речью.

Тут он поднял голову и ответил, что ему тоже нужна дорога на Волгоград, и что он тоже заблудился, и что его долбаный навигатор в телефоне что-то загрузил, и что он не теряет надежды его победить и все-таки вытянуть из него нужную информацию.

Разговорились. Выяснилось, что и Волгоград ему, как и мне, не нужен, транзитный пункт, так сказать. А нужен ему Ростов-на Дону.

Такое совпадение интересов меня несколько позабавило.

А когда выяснилось, что конечной точкой его автопробега является не совсем Ростов, стало еще интереснее.

Немного помолчав, Гриша (так звали мужика) добавил, что дальше поедет либо на автобусе, либо еще на чемнибудь. « А куда дальше то?» -поинтересовался я.

Григорий оглянулся по сторонам, как будто нас кто-то мог подслушать, и выдохнул – « В Донецк!»

Надо ли говорить, как потеплело у меня на душе от такого признания. Разумеется, и я признался, что мы идем одной дорогой.

Однако ехать цугом я отказался. Люблю во время поездок быть кошкой, вернее котом, «который гуляет сам по себе...»

Где захотел и когда захотел – остановился, или прибавил, или поехал потише, решаешь сам, никто над душой не висит.

Поэтому мы с Григорием просто обменялись цифрами (номерами телефонов), как говорит сейчас поколение next, и обозначили контрольные точки места и времени. И снова в путь, благо Гришкин навигатор и правда одумался.

Правда судьба преподнесла мне еще одно испытание

Вообще-то я не люблю ездить ночью. Бог не наградил меня острым зрением, поэтому от езды в темное время я быстро устаю.

Могу ехать часа 2 не больше, а потом все. А тут, то ли адреналина в крови прибавилось от нечаянной встречи, то ли глупости в мозгах, но я попер на Волгоград на ночь глядя, не смотря на то, что позади уже было более тысячи верст пройденных днем.

Вдобавок сильно и резко пошел снег, началась метель. За какой-то час намело довольно приличные сугробы и если проезжаю часть более или менее раскатали машины, то на разделительной полосе его собралось довольно много.

И вот в какой-то момент я левыми колесами зацепил эту снежную «баррикаду» Что послужило тому причиной, то ли моя слепозарость, то ли усталость, то ли и то и другое одновременно, но крутить меня стало так, как никогда до этого не крутило.

Каким чудом мне удалось удержаться на дороге, один бог ведает, но адреналина я получил за эти несколько секунд, наверняка не меньше месячной нормы.

Дальше я поехал, уняв тряску в своих чреслах, уже совсем потихоньку, не более 70-ти верст в час, да и то до ближайшей освещенной площадки, где и улегся отдыхать.

На Кубани я провел 2 дня, повидался с родственниками и знакомыми. Расписывать подробности не хочу, вряд ли это будет кому-нибудь интересно.

Оставил машину у одноклассницы. Почему то мне показалось, что на территории, где полным полно вооруженных людей, отжать тачку у заезжего гражданина вполне допустимая вещь.

За мной заехал Григорий, который тоже решил оставить свою машину в Ростове у знакомых. По дороге он мне рассказал, что довольно свободно, без всяких проблем купил два билета на автобус до Донецка.

Я давно не бывал в Ростове, за 30 с лишним лет облик города изменился неузнаваемо, изменились названия улиц, площадей, но планировка районов осталась прежней. Именно поэтому я понял, что Гриша тащит меня на пригородный автовокзал, где я узнал, что он купил билеты до маленького городка Донецк в Ростовской области. По этому поводу я смеялся, Григорий сокрушался, что так промахнулся. Но делать нечего, поехали на междугородный вокзал, где выяснилось, что билетов на Донецк нет, и в ближайшие сутки не будет. И тут Гриша, видимо, чтобы загладить свой промах, сказав великое «японское» заклинание – «Ху сим», и объявил, что мы поедем на его машине. Отговаривать я его не стал, все-таки это его машина.

И вот мы снова в дороге. Болтаем о том, о сем. Я узнал, что мой попутчик крутой самарский бизнесмен, что в недалеком прошлом он был не менее крутым спецназовцем, что он участник обеих чеченских войн и что с ним я наверняка не пропаду, буду, как говорится, за ним, как за каменной стеной.

Мой жизненный опыт всегда подсказывал мне, что человеку, который через чур много болтает, наоборот доверять нельзя ни в коем случае. Но возражать не стал.

Ничто так не сокращает дорогу как хороший дорожный треп. Также я узнал, что его батя вообще гений, изобретший, ни много ни мало, вечный двигатель. Когда же я начал возражать, опираясь на свои остаточные знания физики, Гриша разбил мои теоретические доводы одним примером.

– Ты обратил внимание, что в больших трубах всегда сквозняк!

– Согласен, и что.

– Так вот, если сделать трубу диаметром побольше и подлиннее, то внутри будет постоянно ветер. А поставить винт и приделать к нему генератор это дело техники.

– А что твой батя действующую модель еще не сделал?

– Да нет еще, не успел.

– Тогда какого хрена ты его идеями разбрасываешься, вдруг, кто возьмет да украдет.

– Ничего, у него таких идей полным- полно...

Дальше я возражать не стал, но про себя подумал, если Гришка пошел в своего батю, то мне скучно точно не будет.

Так мы доехали до границы с «незалежной»

Наши погранцы особенно не усердствовали. Проверили документы и багаж, удовлетворенно хмыкнули, когда увидели в сумках военный комуфляж и отпустили с богом, пожелав на прощание удачи.

На сопредельной стороне формальностей было еще меньше, а пожеланий удачи больше. Да оно и понятно, на пограничном пункте стояли ДНРовцы, они сразу определили, что «их полку прибыло...»

Меня поразило другое. Пока то, да сё, я решил посетить туалет, такую отдельно стоящую будочку обитую профлистом.

У нас из такого листа любят заборы делать. Будка как будка, но её задняя сторона, обращенная к Украине, была вся в дырках, больших и маленьких.

Это её так осколками посекло. Был ли кто в тот момент в туалете или не был, история умалчивает. Но если был, то подозреваю, что процесс освобождения организма от всего лишнего ускорился многократно.

Едем дальше в сторону Иловайска, то тут, то там на обочинах стоит разбитая техника, уже порывшая от огня и ржавчины.

Такая своеобразная память недавним августовским событиям. Еще не всю успели убрать.

Так же на дороге стали попадаться довольно большие выбоины на асфальте – следы от разрывов. Раньше я думал, что мины и снаряды оставляют более внушительные воронки, а тут какие-то жалкие 30 – 40 сантиметров.

Знал бы я тогда, что стоит за этими сантиметрами. Сам Иловайск проехали окраиной, кроме здания школы, с напрочь выбитыми окнами, особых разрушений не видели. Ну и, конечно, опять разбитая техника.

Не заметили, как заехали в большой город, выяснили, что это Макеевка. До конечной цели нашего маршрута остались считанные километры. Я так и не понял, где Макеевка кончилась, и начался Донецк. Эти 2 города давно срослись в один большой мегаполис. Видимо только неумная страсть чиновников к власти и любви к своим кабинетам не позволяет провести административную реорганизацию, чтобы оставить только одну городскую администрацию, а не две, как сейчас.

– Все приехали. Что будем делать, кого искать?

Я задал этот вопрос Григорию, с тайной надеждой, что его бывалый военный опыт подскажет какое –нибудь разумное решение.

– Нужно военкомат найти, или какую-нибудь воинскую часть.

– Это гениально! А какой военкомат будем искать, Гриша, украинский, ДНРовский, или сразу российский! Мы приехали в прифронтовой город, здесь проще найти какой-то штаб или, как ты сказал «воинскую часть».

Вернулись опять к старой народной мудрости про язык и Киев. К сожалению, на этот раз она не сработала, Местные жители либо просто разводили руками, либо недоуменно пожимали плечами. И тут же в ответку мы получали вопрос.

– Из России, мужики?

– А что заметно?

– Вернее не заметно, а слышно. Сразу видно российский говор.

За время своей жизни в Мариуполе, я очень быстро перенял местный диалект, так что «шокать и гхекать» я мог не хуже донецких.

А вот Гришкин самарский «акцент» было слышно за версту. Сразу видно – москаль, тем более что московский и самарский диалекты имеют много общего. Также тянут «а» в первом слоге, и «зажевывают» окончание слова.

Я же подделываться под местных не стал. Интуитивно чувствовал что-то нехорошее в таком поступке.

Вроде, как чужую рубаху собрался на себя натянуть. И еще, мне было очень важно почувствовать на себе реакцию местных на чужаков.

Практически любой нормальный человек в состоянии определить, рады ему в доме, или нет.

Меня такой способностью господь не обделил, я сразу чувствую эмоциональное отношение других людей к себе. Иными словами – пришлись ко двору или нет.

Судя по нашим собеседникам – пришлись, и еще как пришлись.

Мы приехали в Донецк теплым осенним солнечным днем

На небе ни облачка, а вокруг города гроза гремит. Это было слышно работу артиллерии и нашей, не побоюсь этого слова, и укропской.

Тихо только с восточной стороны, откуда мы приехали. Однако местные жители совершенно не обращали на это никакого внимания.

Работают магазины, мамашки с колясками безбоязненно гуляют в скверах, молодежь сидит на лавочках и пьет пиво.

В общем, обычная мирная жизнь, обычного большого мирного города. Если бы не «гроза», все бы так и было.

Военных на улице мы не увидели, военной техники тоже. Правда при въезде в город мы проехали довольно большой, укрепленный блокпост, вот там бы нам дуракам и спросить, что, да как.

Но военные нас не остановили, вот так мы и профукали возможность войти в курс дела.

Я потом уже узнал, что машины с российскими номерами пользуются у ополченцев особым уважением, а вот машины с западными украинскими номерами в обязательном порядке будут подвергнуты досмотру с пристрастием.

Мы не торопясь колесили по городу, так сказать, с ознакомительными целями, пока нам на глаза, совершенно случайно не попались большие железные, выкрашенные зеленой краской ворота с красными звездами посередине.

Понятно – воинская часть, скорее всего бывшая. Хотелось верить, что и в нынешнее время, эта часть не потеряла своего основного назначения.

На большие сомнения по этому поводу наводила надпись на заборе, сделанная аэрозольным баллончиком, метровыми буквами – «Путин – ..йло!!!»

То ли местные военные, если они были, конечно, разделяли это мнение, то ли у них краски не было, чтобы замазать сие утверждение, но мне стало неприятно.

Я сам не в восторге от наших правителей, но искренне считаю, что награждать подобными эпитетами своих правителей, имеем право только мы, россияне, но никак не забугорные деятели.

Тем более, что всем понятно, что если бы не Россия, проект Новороссия давно бы закрылся, не успев начаться.

Поэтому, прочитав этот лозунг, у меня возникло ощущение, что..йлом назвали и нас с Гришкой.

Мы усиленно начали колотить в дверь КПП, пока не появился мужик в камуфляже, без знаков различия.

– Шо надо

– Командира позови

– А зачем?

– Ты что тут на воротах все вопросы решаешь? Тебе русским языком сказано зови командира.

Надо отдать должное, Григорий умел разговаривать с подобными «сторожами». Назвать его военным, язык не поворачивается.

Сторож кому то позвонил, и через пять минут на КПП пришли сразу два офицера. Один капитан, а второго не помню, в разговоре он участия не принимал, просто присутствовал.

– Здорово мужики! Что в ополчение приехали записываться?

– А как вы догадались?

– А что тут сложного! Зачем еще россияне могут в Донецк приехать, не пивом же торговать.

– Да вы попали как раз в точку, именно за этим мы и приехали.

– Ну, тогда милости просим к нам, мы как раз организуем новое комендантское подразделение.

– А чем вы занимаетесь? – Во мне начали зреть смутные подозрения, что мы попали не совсем туда куда хотели.

– Ну, это..., следим за общественным порядком, досматриваем транспорт, боремся с мародерами..

– Короче, выполняете ментовские функции – Я сразу решил назвать вещи своими словами.

– Ну, в общем да....

Я посмотрел на Гришку, особого восторга, от ментовского предложения я не увидел.

– Стало быть, общественный порядок поддерживаете? Оно и видно... – Я кивнул головой на метровую надпись на заборе.

– Так что ребята извините, но ваша служба нам не по душе. Нам бы что попроще, нам бы «укропов» покошмарить...

– Ну, так вам надо либо в «Восток», либо в «Кальмиус», кстати, востоковский блокпост в двух кварталах отсюда. Капитан мотнул головой в нужном направлении и пожелал нам с Гришкой удачи.

Блокпост мы нашли быстро. Все те же бетонные блоки, наполовину перекрывающие проезжую часть дороги, так что проехать можно только «змейкой», да и то, не сильно торопясь, в сторонке за мешками с песком пулемет. Ну и автоматчиков человек пять-шесть. Старшим оказался мужик лет эдак 40-45-ти, сильно небритый. Мы рассказали ему о сути своих намерений.

– Ну, так езжайте на базу, на Мотель, там и оформитесь.

– Если бы мы знали, где этот самый мотель находится, нас бы тут не было. Провожатого сможешь выделить? – Я решил взять инициативу в свои руки, видимо Гришка решил, что не царское это дело со всякими небритыми разговаривать.

– Покурите минут 10, щас шо нибудь придумаем. Старший отошел к своим ребятам и с кем-то начал разговаривать по рации.

Я уже лет 15 как бросил курить, но сигарет в машине было блоков 10. Это я в Ростове купил, так сказать, гуманитарная помощь для ополченцев.

Как сказал Григорий, на войне всегда проблемы с куревом. И надо сказать, в этом отношении он оказался совершенно прав. Не прав он оказался в другом, эти же самые сигареты нужно было покупать в Донецке.

За те же самые деньги сигарет бы я купил чуть ли не вдвое больше. Не смотря на войну, цены в Донецке на все продукты были значительно ниже, чем в России.

Дороже, почти вдвое, было только горючее, бензин и прочее, но об этом я узнал позже.

Потом к нам снова подошел старший, но уже не один. Одного бойца он выделил нам для сопровождения, которому я уступил «штурманское» сиденье, а сам перебрался на заднее.

Ехать оказалось и правда недалеко, минут десять, за это время я успел распечатать свою «табачную гуманитарку» и угостить нашего провожатого пачкой сигарет, чему он искренне обрадовался.

Проехали еще один блокпост, уже непосредственно перед базой и остановились перед железными воротами, которые охраняли двое часовых. Через недолгое время нас пропустили внутрь.

Прошли еще метров 300—400 и вошли в 4-х этажное здание, поднялись на 3-й этаж и оказались перед главным «кадровиком» батальона «Восток» с колоритным позывным Медведь.

Надо сказать, что внешность кадровика полностью соответствовала его позывному. Или наоборот, если хотите. Весил он, наверное килограммов 200, если не больше, ходил тяжело, пол стонал...

Потом, позже я узнал его получше и понял, что это добрейший, светлый человек, каких мало.

Медведь провел нас в свой кабинет, посмотрел наши паспорта, спросил о серьезности наших намерений.

Дескать, не в турпоход ребята собираетесь, здесь ведь и убить могут. Выслушал наши ответы и после этого положил перед нами бланки рапортов с просьбой о зачислении в батальон «Восток».

Бланк представлял собой обычный листок бумаги, распечатанный на компьютере, формата А-4, в который нужно было внести свои личные данные.

Необычным был только один пункт. «Ваш позывной...» и дальше пробел. Вот в этот пробел я должен был вписать свое новое имя, которое на все время моего пребывания на Донбассе будет и моей фамилией тоже, и вообще всем остальным, хоть как-то со мной связанным. Я никогда раньше не задумывался о том, что мне придется брать своего рода «партийную кличку», у меня даже в детстве дворовой не было. Как-то не прилипали ко мне всякие обозвания и все тут. Думал я недолго, в мозгу вдруг само по себе выскочило то имя, суть которого предопределили все мои предыдущие действия... Так я стал «Гренадой».

Гришка не стал особо заморачиваться по этому поводу и стал Самарой.

Потом впоследствии я узнал, что он пошел по пути, проторенному очень многими, взяв в позывное имя название города или местности, откуда приехал.

Потом судьба столкнула меня и с «Крымом и с Минском и с Одессой и так далее» всех не перечесать. Некоторые брали себе детские «погоняла», к которым привыкли.

Так случилось с Сашкой Ильницким, ставшим «Пантехой» А все потому, что его с детства так звали, да и родом он из созвучной Пантелеймоновки.

Вообще Донецкий край

Является уникальным в отношении своих названий. Тот же Донецк в недалеком прошлом был Юзовкой (у нас был ротный с позывным Юз).

Далее Макеевка, Горловка, Марьинка, та же Пантелеймоновка и прочая и проч.

Всех перечислять долго Названия простые, деревенские. Типа наших российских калиновок и сосновок.

Разница в том, что в Донецком крае под этими милыми деревенскими названиями «спрятались» довольно большие города.

В той же самой Пантелеймоновке население до войны было более 100 тысяч, про Макеевку я и не говорю, то ли она является пригородом Донецка, то ли наоборот, бог его знает.

В наших краях известный своими декабристскими поселениями город Ялуторовск до 50-ти тысяч не дотягивает.

Да что там, бывшая столица сибирской губернии, известный всей России г. Тобольск имеет население чуть больше 100 тысяч (привет Пантелеймоновке) Ну это я опять отвлекся...

Медведь нам объяснил, что для начала нас определяют в учебную роту, где научат необходимым навыкам обращения с оружием,

Весил Медведь, как я говорил, наверное, килограммов 200, видимо поэтому, он и взял такой позывной.

Как говорится, по образу и подобию. Ходил тяжело, дышал еще хуже, но при всех подобных недостатках, делавших его «негодным к строевой...», Медведь был превосходным стрелком, мастером спорта по пулевой стрельбе, и чемпионом чего-то там..., сейчас уже и не вспомню.

Поэтому он взял на себя (или ему дали) обязанности инструктора по стрелковому делу, учил новобранцев азам владения оружием.

А необходимость в этом была довольно острая, некоторые мужики, решившие записаться в ополчение, оружия отродясь в руках не держали, все их познания основывались на просмотрах лихих американских боевиков.

Кадровая работа для Медведя была дополнительной нагрузкой, хотя еще нужно было посмотреть, на что он тратил больше времени, на дела бумажные или практические занятия с оружием.

Характер имел довольно вспыльчивый, мог обидеться из-за какой-нибудь ерунды, но быстро отходил и камня за пазухой не держал.

Любой другой человек его комплекции и здоровья мог спокойно отсиживаться дома, а не искать приключений на свою пятую точку в это смутное время.

Но не таков был Медведь, он бы и на передок, в поле с удовольствием бы пошел, но, по его словам, у «Востока» нет лишних четырех крепких мужиков, которые таскали бы его тушу в критических ситуациях. Поэтому он занимался тем, чем занимался.

Любое знакомство с оружием начинается с его разборки и сборки. Медведь один раз посмотрел, как мы с Гришкой с этим управляемся и, наверное, понял, что оружие нам не в новинку, поэтому сразу отправил заниматься тактикой ведения городского боя.

Я срочную отслужил еще в середине 70-х, много воды утекло с тех пор, но, видимо, не зря я натер на шинели автоматом довольно приличное масляное пятно, от многомесячного таскания, как раз на правой лопатке.

Да и стреляли мы один раз в неделю обязательно, что для Советской Армии не совсем типично.

Во многих частях солдатики держали автомат пять раз за два года, первый раз - во время принятия присяги, остальные четыре - во время инспекторских проверок, по два раза за год.

Так что навык стрельбы и обращения с автоматом у меня выработался прочный, сравнимый с ездой на велосипеде – один раз в детстве научился и всю жизнь умеешь, не смотря на большие перерывы.

А вот в деле тактики ведения городского боя я узнал для себя много нового, чего не знал раньше, в СА меня учили воевать в поле, хотя ни то, ни другое мне практически не пригодилось,

Жили мы

В большой комнате, человек на 30, бывшем учебном кабинете литературы. Со стен на нас смотрели портреты мировых, советских и российских классиков.

Их лики преисполненные благородства и мудрости взирали на нас то с одобрением, то с укоризной.

Степень их нравственных оценок можно напрямую связать с моим личным ощущением самого себя, как такового, на тот или иной момент.

Как они относились к Григорию и ко всем остальным могут объяснить только сам Григорий и все остальные, если конечно, они заморачивались подобной ерундой.

Скорее всего, они об этом и не думали, народ у нас подобрался в основном простой, не испорченный верхним образованием и всякими интеллигентскими вывертами.

Как и с какой степенью одобрения взирали на нас Гоголь, со своей знаменитейшей прической хиппи 60-х я до сих пор точно не знаю.

Но я думаю, что он понимал меня гораздо лучше Тургенева и Достоевского, все-таки, какой-никакой, а хохол, и лихое время очередной украинской смуты не оставило бы его равнодушным.

Практические учебные занятия проходили в спортзале, пол которого был разрисован звездами Давида.

Само здание раньше являлось общеобразовательной еврейской школой, оказываются, существуют и такие, с шестиугольными звездами на полу.

Куда делись ученики и преподаватели, ума не приложу, но остается надеяться, что пресловутый «еврейский вопрос» был решен не по методу Адольфа Алоизовича.

На входной двери нашей «казармы» было приклеено грозное объявление, гласящее, сколько суток и за какие провинности виновный будет сидеть «на яме».

Я конечно, заинтересовался, что за «яма» такая? Воображение тут же нарисовало средневековый зиндан, и томящихся в нем измученных узников. Но все оказалось гораздо проще и прозаичней.

«Яма» была обычным подвалом, приспособленным под солдатскую гауптвахту. Просто неудобоваримое, труднопроизносимое немецкое название заменили нашей ямой, звучит и короче, и страшней.

Питались мы в столовой, где главным завсегдатаем и был Укроп. Все менялось и «клиенты» и обслуживающий персонал, а Укроп оставался.

График работы столовой был почти свободный, как на каком-нибудь заводе. Завтрак с 8 до 10, как заурчало в животе, так и пошел, без всякого строя, в «Востоке» строевая подготовка вообще, отсутствовала, не к парадом готовились.

То же самое и с обедом и ужином. Тут же, на территории Мотеля находились и другие сооружения. И склады, и гаражи с довольно мощной рембазой, и оружейные мастерские, где чинили все, что могло стрелять.

Особенно меня поразила пушка МСТА, которую притащили на ремонт. Размер ее просто поражал, рядом с ней чувствуешь себя муравьем.

Народ у нас подобрался разномастный, и местные и приезжие. Приезжих можно разделить на две категории – на идейных, моего типа, которым и за «лержаву обидно» и слово справедливость еще что-то значит, и искателей приключений, а попутно и денежных знаков.

И если первые, в большинстве своем претерпели все выпавшие на их долю испытания, то вторых как ветром сдуло после первых же, скажем так, неудобствах.

Сразу было видно тех, кто приперся за деньгами. Как только выяснилось, что в «Востоке» «бабосы не плотют» у всех у них появились «уважительные причины» по-быстрому свалить.

У кого-то жена смертельно заболела, у кого-то любимая бабушка, у кого-то что-нибудь еще.

Объединяло их одно, они все не могли смотреть прямо в глаза оставшимся, но, тем не менее, продолжали утверждать, что уезжают ненадолго, на недельку, на две, максимум.

Все взрослые люди, все прекрасно понимали истинную причину таких говенных поступков, и уезжавшие осознавали это лучше всех и, наверное, поэтому не могли смотреть в глаза.

Хотя, может быть, я зря пытаюсь приписать им качества, которых у них от рождения не было.

Как правило, такими были представители южных республик, не хочу охаивать все эти народы целиком, но сам подобный факт является многоговорящим.

Ребята просто перепутали Донбасс с Сирией, а «Восток» с «Игил» -ом.

Так что, все разговоры о том, что все люди братья, и что нет плохих наций, а есть плохие представители этих самых наций, считаю разговорами пустыми и никчемными.

И вообще, обсуждение этой темы является настолько емким, что люди до сих пор не пришли к однозначному мнению на этот счет, хотя обсуждают её со времен своего возникновения, куда уж мне сирому и убогому...

Гораздо сложнее было с местными.

Тут почти, что ни человек, то отдельная история. Про тех, у кого погиб кто-то из близких я не говорю, тут все понятно.

К счастью, таких было очень немного. Много было таких, у кого убило либо знакомого, либо соседа, понятно, что и подобные случаи вызывают праведный гнев, но далеко не такой, как потеря близкого человека.

Нас в учебной роте было человек 30 с хвостиком. Из них человек 10 приезжих. Человека 3 убежало сразу, не туда ехали.

Много было молодежи, хотя и людей зрелых было тоже достаточно.

Особенно запомнился мне один, звали его Виктор. Мужик было на тот момент лет 40—45, был он полноватого телосложения, довольно рыхлый.

Сразу видно, что спорт и Витя это 2 совершенно несовместимых понятия, не боец одним словом.

Не знаю чем он занимался, сам он об этом не говорил, но за письменным столом он провел, скорее всего, не один десяток лет.

Да он и не пытался строить из себя супермена, он заранее знал, что будет крутить баранку на каком-нибудь военном камазе, на этот счет он договорился с кем надо.

Говорил правильно, шутки его были далеки от грубоватого пролетарского юмора. Мы как-то с ним зацепились языками, и проболтали ни о чем, и одновременно обо всем минут 30.

Мне было приятно и легко с этим человеком.

Видимо, и он нашел в общении со мной определенную отдушину, так как стал периодически подходить просто так побеседовать.

С особым удовольствием он рассказывал мне о Донецке, видно было, что он знал и искренне любил свой город.

Мы вместе добродушно посмеялись над инициативой правительства Украины приблизить свою страну к Эуропе путем прибавления к названию улиц английского «street».

Например – ул. Иванова стрит. Звучит-то как! Все, мы Европа, можно выдохнуть, расслабиться и успокоиться.

А вот то, что на этой самой Иванова стрит, асфальт не меняли лет 30, и бордюров никогда не было, это вопрос двадцать пятый, или сто двадцать пятый.

Никого, из власть придержащих, это не волновало и волновать не будет. Согласитесь, ведь и правда смешно.

Это перестало быть смешным, когда европеизацией жителей Донбасса новая власть стала заниматься не переустановкой табличек с названием улиц и площадей, а подключила к этому делу армию, с применением «градов» и «точек У».

По-моему, аргумент куда более веский. Так сказать, европеизация по киевски. Переели «кыяне» печенек Виктории Нуланд, побочный эффект от их употребления оказался куда более страшным.

Ведь армия и сделана, как инструмент уничтожения в первую очередь, а война – сплошное нарушение прав человека и всех международных конвенций с ними связанных.

Причем, с обеих сторон! Ведь на всех войнах, во все времена, всегда били, а то и расстреливали пленных, и можно подписать тонну международных актов, запрещающих делать это, все равно будут бить и расстреливать.

Поэтому применять армию против своего же народа это верх цинизма и жестокости. И все разговоры о гуманных методах применения армии, это всего лишь пустые разговоры нечистоплотных политиков.

Это примерно, как сказать молотку, чтобы он бил по гвоздю не очень больно и желательно не железным битком, а деревянной ручкой.

На этот счет у нас с Виктором разногласий не было, – не смешно, сильно не смешно! И вот, когда на улицах его родного Донецка стали рваться снаряды, Витя схватил свою семью в охапку, покидал самое необходимое в машину и увез их куда-то в подмосковье, кажется в Липецк, к родственникам. А сам вернулся...

– Витя, а что уехал-то? – полез я ему, как говорится, под шкуру.

– Так ведь страшно стало, ведь убить могли

– А зачем тогда вернулся? – не унимался я

– Так ведь стыдно стало...

Я сразу вспомнил молодых здоровых мужиков, кровь с молоком, которые в качестве беженцев приехали во многие города России, в том числе и в мою Тюмень.

Которые без малейшего зазрения совести рылись в куче барахла, принесенного местными жителями в качестве гуманитарной помощи, выбирая, что получше, для себя любимого и своих домочадцев.

Им совершенно не было стыдно ни за себя, ни за таких же, как они, своих товарищей. За них за всех стало стыдно Вите.

И вот благодаря этому – «Стыдно стало...» Виктор в моих глазах вырос безмерно. И плевать, что он таскает на себе лишние 20 кило, Медведь еще больше таскает..., плевать, что не умеет и никогда не умел драться, плевать, что он еле-еле может пробежать сто метров.

Ведь на войне, как сказал один из героев А. Чаковского, «нужны не только те, которые умеют колоть э-э-э штыком и стрелять из пушки...» На войне в первую очередь нужны люди готовые много и беззаветно работать, работать на пределе своих возможностей, и нравственных и физических, работать до полного изнеможения. И это не просто громкие слова.

В самое ближайшее время нам всем, вступившим в учебную роту пришлось в этом убедиться. Был еще один колоритный мужик, тоже в годах, бывший летчик.

Имени его, к сожалению, не помню, в памяти остался только позывной – «Стратон», видимо, раньше жил на улице Стратонавтов.

Молодые пацаны упорно называла его «страпоном», и при этом ржали, а тот только глазами хлопал, «не понимая шутки юмора». Работал он в хоззвезде, так как в силу возраста, как он сам говорил, тоже не мог ходить в атаку. А пользу общему делу приносить хотелось. И вот однажды вечером он изрек.

– Мужики, а я знаю, как Порошенку победить! —

Все заинтересованно повернулись к нему, ожидая продолжения.

– Надо выпросить у Шойгу пару самолетов БИ-200, ну те, которыми пожары тушат. Заправить их под завязку керосином, вылить все это все на президентский дворец в Киеве, и спалить их там всех к едрене фене...

Конечно, все дружно посмеялись над такой авиационной идеей Стратона, хотя, как говорится – в каждой шутке есть доля шутки...

Как говорится, дело было вечером

Делать было и вправду нечего. Телевизора, компьютера, да что там, даже книг не было, про все остальные радости жизни я и не говорю.

Но тут подошел Медведь «и как начал, как начал реветь...» А ревел он на тему, что нам срочно предстоит погрузиться в автобус поехать на какую-то товарную станцию и разгрузить пару вагончиков с боеприпасами.

Ну что ж, надо так надо, понимаем, что отдельных грузчиков для солдат никто не припас, что все должны делать сами, и что, как не крути, а это все-таки живое, полезное для ополчения дело.

А по сему, ехали в приподнятом настроении, шутили, кто-то собрался на снарядах отправлять личные послания Порошенко и К.

Автобус шел по каким-то окраинам, по неосвещенным, разбитым дорогам, поэтому об окружающем нас городском ландшафте ничего сказать не могу, из-за темноты ничего не было видно.

Осенью 14-го с электроэнергией вообще было туго. Укры постоянно разбивали линии электропередач и подстанции, чинить не успевали. Приехали.

Впереди в полусотне метров чернеет лента грузового состава, как я понял, эта самая пара вагончиков. Темно, «как у негра...» ну сами знаете где, из освещения – только ручные фонарики.

У меня их два, в Ростове Гришка надоумил купить.

Один сразу отдал кому-то. Но самым неприятным было то, что дорогу к составу нам преграждала стеклянная баррикада из битых бутылок, этикие мини терриконы высотой 1.5 – 2 метра.

Каким образом образовалось это препятствие, что здесь было раньше – ума не приложу. Правда были 2—3 пеших прохода и столько же проездов для машин, но и они были сплошь засыпаны битыми бутылками, наибольшую опасность представляли недобитые доньшки бутылок.

Они реально могли порезать ноги, что уж говорить про обувь. Но делать нечего, нужно работать, КАМАЗы уже стоят, ждут погрузки. Нас было человек 20, были с нами и наши инструктора, но они, как говорится, самоустранились от руководства работами, предварительно разбив нас на две группы и назначив старшего в каждой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.